

Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия» (на базе данных ассоциативного эксперимента на якутском языке)

Д. И. Чиркочева¹, З. Г. Адамова²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

²Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена демонстрации этнопсихолингвистической методики исследования значимости ценностей. На основе психологической теории деятельности предлагается введение категории значимости в этнопсихолингвистическое моделирование структуры и содержания ценностей; обосновывается разделение мотивационной и функциональной значимости. На примере анализа данных ассоциативного эксперимента демонстрируется процедура этнопсихолингвистического анализа мотивационной и функциональной значимости ценности «демократия». Делаются выводы о высокой мотивационной значимости демократии, которая проявляется в характере смысловой связи между речевыми действиями, выражающими внутренние потребности, ситуацию удовлетворения этих потребностей и эмоционально-оценочное отношение к данной ситуации; о функциональной значимости, выражаемой в ограниченном характере речевых операций. Отмечается высокий прогностический потенциал психолингвистического подхода к исследованию значимости ценностей и роли речевой деятельности в ее формировании и функционировании.

Ключевые слова: теоретическая (регулятивная) деятельность, ценности, речевая деятельность, «образ мира», личностный смысл, значимость ситуации, мотивационная значимость, функциональная значимость, ассоциативный эксперимент, демократия.

Для цитирования: Чиркочева Д. И., Адамова З. Г. Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия» (на базе данных ассоциативного эксперимента на якутском языке) // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-51-59.

Motivational and functional significance of the value of “democracy”: the case of an associative experiment in the Yakut language

D. I. Chirkoeva¹, Z. G. Adamova²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the demonstration of an ethnopsycholinguistic methodology for a study of the significance of values. For this purpose, on the basis of the psychological theory of activity,

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – к. филол. н., зав. каф. якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

CHIRKOEVA Dariya I. – Professor of philological sciences, head of department, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АДАМОВА Зоя Гаврильевна – к. филол. н., в. н. с. лаборатории психолингвистики, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет.

E-mail: zoya_adamova@mail.ru

ADAMOVA Zoya Gavrilievna – PhD, lead researcher for the Laboratory of Psycholinguistics in the Department of general and comparative linguistics, Moscow State Linguistic University.

the introduction of the category of significance into the ethnopsycholinguistic modeling of the structure and content of values is proposed; the separation of motivational and functional significance is substantiated. The procedure of ethnopsycholinguistic analysis of the motivational and functional significance of the value “democracy” is demonstrated by the example of data analysis of the associative experiment. Conclusions are drawn about the high motivational significance of democracy, which is manifested in the nature of the semantic connection between speech actions expressing internal needs, the situation of satisfying these needs and the emotional and evaluative attitude to this situation; about the functional significance expressed in the limited nature of speech operations. The high prognostic potential of the psycholinguistic approach to the study of the significance of values and the role of speech activity in its formation and functioning is noted.

Keywords: theoretical (regulatory) activity, values, speech activity, “image of the world”, personal meaning, significance of the situation, motivational significance, functional significance, associative experiment, democracy.

For citation: *Chirkoeva D. I., Adamova Z. G.* Motivational and functional significance of the value of “democracy”: the case of an associative experiment in the Yakut language // DOI: 10.25587/2782-6627-2023-3(10)-51-59.

Введение

Актуальность исследования аксиологических понятий (ценностей) обусловлена конструктивно-прогностической функцией философии и ее ролью в формировании и функционировании культуры. Согласно философскому подходу, фундаментальные ценности и смыслы, или «мировоззренческие универсалии» обеспечивают целостность культуры как «сложноорганизованной системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей)» [1, с. 6]. Как «базисные ценности культуры» они определяют «осмысление мира, его рациональное постижение», а также «переживание человеком мира, эмоциональные оценки различных аспектов, состояний и ситуаций человеческой жизни» [1]. Поэтому понимание механизма означивания (осмысления) ценностей есть понимание механизма осмысления мира, обеспечивающего «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [2, с. 73]. Теоретическую деятельность по организации собственной жизнедеятельности на основе «ценностных ориентаций», «нравственных принципов» принято называть регулятивной [3, с. 33]. Деятельность по регуляции и саморегуляции поведения мы можем наблюдать только в речевой деятельности, так как всякое «коллективное знание» есть «языковое знание» [4, с. 37]. Следовательно, речевую деятельность можно исследовать как деятельность по регуляции и саморегуляции.

Цель данной статьи – теоретически обосновать необходимость исследования речевой деятельности как саморегулятивной деятельности и продемонстрировать на примере ценности «демократия» процедуру этнопсихолингвистического моделирования мотивационной и функциональной значимости ценностей.

Моделирование этнокультурной специфики инвариантного «образа мира»

С точки зрения саморегуляции отдельного человека и/или общества в целом этнопсихолингвистический анализ структуры и содержания ценностей и моделирование этнокультурной специфики инвариантного «образа мира» (А. Н. Леонтьев) на основе данных ассоциативных экспериментов есть моделирование «программы жизнедеятельности» (В. С. Степин). В практическом аспекте при таком подходе к изучению ценностей речь идет о проблеме адекватности регулирующего социальную реальность «образа мира», или точнее, «образа социального мира» (Г. М. Андреева) самой социальной реальности [5]. В теоретическом плане – о проблеме «роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, включая определение специфики способов действия со словом в разных культурных сферах» [6, с. 18].

Под «образом мира» в отечественной этнопсихолингвистике понимается «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7, с. 268]. Такое понимание основывается на определении, данном А. Н. Леонтьевым: «Психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира, в котором они живут и действуют, который они сами переделывают и частично создают, это знание также и о том, как функционирует образ мира, опосредуя деятельность в объективно реальном мире» [5]. По словам А. Н. Леонтьева, «образ мира» – это не «нечто субъективно приписываемое миру», а «процесс восприятия», он может быть «более адекватным или менее адекватным, более полным или менее полным... Иногда он даже ложный.....» [8, с. 13]. Следовательно, «образ мира» является одновременно и результатом деятельности, и процессом (средством) деятельности. В этом состоит суть психологического принципа единства и противоположности образа и процесса, основанного на «специфике работы знания, с одной стороны, в системе общественных отношений, в общественном сознании, а с другой стороны, в деятельности индивида, реализующего общественные отношения, в его сознании» [9, с. 13]. Такая двойственность социального знания операционализируется в психологии в различении категорий значение и личностный смысл, где значение, в котором «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой», соотносится с инвариантным образом мира, а личностный смысл, формирующийся в процессе соотнесения элементов значения как «ориентиров» деятельности с актуальными потребностями – с личностно-смысловыми образованиями [9]. Таким образом, моделируя «образ мира» как результат и процесс регулирующей деятельности, мы моделируем ситуацию восприятия, или осмысления «актуально воспринимаемого образа мира», опосредствованного предметными значениями и когнитивными схемами [8, с. 269].

Идея «актуально воспринимаемого образа мира» исходит из коммуникативной или интерсубъективной природы регулирующей деятельности, которая подразумевает необходимость определения или осмысления ситуации в данный момент времени и выбора способа ее регулирования в соответствии с целью действия (деятельности). Ситуация предполагает, что, с одной стороны, она имеет дело с безразличными к формам чувственности предметными значениями, а с другой стороны, она всегда подразумевает «пристрастность» индивидуального сознания, отнесенность значения к чувственным впечатлениям [9, с. 153]. Процесс осмысления ситуации зависит от смысловых связей между мотивационной, целевой и исполнительной сторонами акта речевой деятельности: переживаемые человеком как условие его целенаправленной деятельности элементы социального знания, опредмеченные в значениях, проявляют себя как система мотивов. Функция системы мотивов «состоит в том, что они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением. При определенных условиях несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер нестоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности» [9, с. 150]. Следовательно, формирование личностного смысла есть формирование установки на действие, которая переживается человеком как оценочная деятельность по соотнесению потребностей с условиями деятельности по удовлетворению потребностей и проявляется как значимость предметного значения. В теоретической деятельности саморегуляции речь идет о значимости опредмеченных в значениях, но не выраженных

в непосредственной материальной форме психически «виртуальных» ценностей, и с другой стороны, о значимости опредмеченного в значении способа регулирования деятельности, связанной с ценностью.

В деятельностной психологии считается, что осознаваемые мотивы находят свое выражение в целенаправленной деятельности, регулируемой осознаваемыми способами и средствами, а неосознаваемые мотивы отражаются в деятельности «в форме эмоциональной окраски действия» [9, с. 201]. Важное методологическое положение, связанное с исследованием личностного смысла, основано на двойственной функции мотивов – побуждения и смыслообразования. Так, если в действиях эмоциональной окраски проявляются «субъективно» открывающиеся в виде переживания, хотения, стремления мотивы, побуждающие к действию, то собственно «смыслообразующими» являются открываемые «объективно» в результате теоретической деятельности мотивы [9, с. 204]. Именно они лежат в основе оценки и переоценки всей системы отношений человека к миру, осмысления и переосмысления «программы жизнедеятельности», которая обеспечивает «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [2, с. 71].

Мотивационная и функциональная значимость ценности «демократия»

Итак, как интерпретировать ассоциативные данные и экспериментально установить значимость ценностей? В этнопсихолингвистических исследованиях ценностей анализ мотивационной стороны речевой деятельности должен учитывать, что эмоциональные речевые действия являются проявлением отношения к условиям деятельности. Следовательно, особое внимание должно быть уделено эмоциональным речевым действиям и речевым действиям, связанным с потребностями, обусловленными условиями регулирующей деятельности. Так выявляется динамический аспект мотивации, т. е. регулирующая функция эмоциональных речевых действий. *Мотивационная значимость* ценностей будет проявляться в виде эмоционально окрашенных речевых действий для представления определенного предметного содержания и определенной направленности.

Как известно, структура речевой деятельности включает в себя способы оперирования со словом, т. е. речевые операции, которые формируются в процессе социальной практики общения. Они рассматриваются как «внешние» условия деятельности. Как продукт общественно-исторической практики, (речевая) операция «выступает как процесс непсихологический», так как зависит от внешних условий достижения целей. В то же время она психологична, поскольку принципиально целенаправленна и связана, таким образом, с побудительной силой действия [10, с. 15]. Следовательно, операционная сторона теоретической речевой деятельности определяется формами действия с «идеальными» значениями ценностей, в которых отражается структура действительности, её исполнительная сторона диктуется ситуацией социального взаимодействия. В речевых операциях проявляется «типичное» знание о ценностях в способе их регуляции. В этом смысле они характеризуются как автоматические, или неосознаваемые. Непроизвольный или произвольный характер операций так же, как и характер всей установки, зависит от мотивационных и волевых процессов деятельности, и необходимо выявить связи между ними. Таким образом, если определение мотивационной значимости ценностей связано с условиями конструирования «образа социального мира», то анализ волевых процессов в структуре речевой деятельности как саморегулятивной направлен на определение *функциональной значимости* ценностей с точки зрения содержательного потенциала ценностей для осуществления волевой личности как активно реализующего свои социально значимые мотивы субъекта общественных отношений.

Этнопсихолингвистический анализ ценности «демократия»

Теперь наглядно покажем процедуру выявления значимости ценностей на примере этнопсихолингвистического анализа ценности «демократия» на основе данных ассоциативного эксперимента. Материал исследования был получен в ходе массового свободного ассоциативного эксперимента, проводимого Лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета для создания ассоциативного словаря базовых ценностей. Мы проанализировали 159 вербальных реакций, в том числе 43 отказа, на слово-стимул *демократия*. Респонденты – студенты различных высших учебных заведений г. Якутска в возрасте от 17 до 29 лет. Эксперимент проводился на якутском языке, но реакции были получены как на якутском, так и на русском языке. Поэтому реакции на якутском языке приводятся с переводом на русский язык.

В качестве основы для интерпретации ассоциативных данных и психолингвистического анализа значимости ценностей мы используем модель личностного смысла [11]. Для выявления механизма мотивации в анализе структуры и содержания актуального психологического значения анализируемой ценности мы будем учитывать положения теории установки Д. Н. Узнадзе: во-первых, устанавливаем «мотивационные образования», т. е. потребности, связанные с демократией, которые могут быть вербализованы и выражены в конкретных речевых действиях; во-вторых, определяем направленность в предметном содержании установок, которые будут представлены в речевых действиях и операциях, репрезентирующих ситуативную конкретизацию установок [12]. Речь идет о двух типах направленности: 1) привносимой предметным содержанием потребности; 2) определяемой предметной ситуацией; им соответствуют воображаемая и актуальная ситуации [12]. А главным выразителем мотивационного потенциала ценностей, их побудительной силы, становятся семантически сопряженные с понятиями эмоции [13]. Для выявления отсутствия или наличия активного вмешательства в процесс осуществления потребности (значимости), который определяет характер смыслообразования, мы будем опираться на положения деятельностной теории мотивации. Согласно теории В. Г. Асеева, при анализе структуры мотивации необходимо учитывать структурные различия и соотношения двух форм побуждений: «влечения» с положительной эмоциональной модальностью переживания (действие, которое производит индивид) и «побуждения типа объективно заданной необходимости, нужды» (воздействие, которому подвергается индивид) с отрицательной эмоциональной модальностью переживания [14]. Наконец, для определения функциональной значимости ценности мы будем анализировать речевые действия, связанные с «внешними» условиями деятельности, т. е. речевые операции, связанные с задаваемыми условиями речевой деятельности способами (средствами) удовлетворения потребности в демократии.

На первом этапе анализа мы определили в отдельную группу реакции, которые, согласно интегративной модели личностного смысла, можно включить в компонент «понятие» (45 из 159): *политика* 14; *көҥүл/ свобода* 6; *норуот/ народ* 5; *народ* 3; *партия* 3; *власть народа* 2; *свобода* 2; *выбор*; *Конституция*; *куолаһ/ голос*; *народовластие*; *полиитик/ политика*, *республика былааһа/ власть республики*; *дьон тыла аабыллар/ считаться с мнением людей*; *равное принятие решений*; *тэҥнэһии/ имя действия от тэҥнэс (равняться)* 2. Эти реакции представляют совокупность наиболее существенных признаков *демократии* как понятия. Как правило, в научной литературе демократия определяется, в первую очередь, как политический строй, при котором источником власти является народ. Из такого понимания вытекают основные принципы демократии: правление большинства и уважение прав меньшинства; представительный характер власти; принцип делегирования власти;

выборность властей; принцип конституционализма; политико-правовое равенство граждан; плюрализм и свобода [15]. Демократия понимается также как принцип организации коллективной деятельности, при которой граждане принимают равноправное и активное участие в отправлении народовластия. Такое определение демократии исходит из фундаментального «правила» демократии, связанного с «фактической реализацией» власти людьми, делегированными от народа [15]. С точки зрения саморегулятивной деятельности второй компонент является определяющим, так как он связан с такими мировоззренческими универсалиями, как «личность», «свобода», «деятельность», которые определяют характер развития и функционирования всей «программы жизнедеятельности» человека и общества [1]. В содержание данного понятийного компонента мы включили следующие реакции (10 из 159): *дьоннор/ люди; история общества; киһи бэйэтин санаата/ собственное мнение человека; киһи-дьон/ люди; киһи толкуйа/ мышление человека; норуот күүһэ/ сила народа; уопсай эппизт/ общая ответственность; тэн буолуу/ имя действия от быть равными; хас биир киһи көҥүл тыллаах/ у каждого есть свобода слова; слово народа*. Как видим, опредмеченные в представлениях об «идеальном» значении внутренние потребности, связанные с демократией, связаны, в основном, с первым понятийным компонентом демократии. Однако мы видим и выражение потребности в демократическом принципе организации коллективной деятельности, которое связано со свободой самовыражения. Это важно отметить, т. к. в основе определения «идеального» значения, рассматриваемого нами как условие деятельности, мы будем интерпретировать актуальные потребности, опосредствованные личностными представлениями слова «демократия».

На втором этапе анализа анализируются эмоционально-оценочные речевые действия: *отказ 43; сымыйа/ ложь, неправда 2; күүһэ/ сила 2; икки сирэй/ лицемерие; не существует; үчүгэй/ хороший, хорошо; чиэһинэй/ честный; ыарахан/ трудный, тяжелый, трудно, тяжело; эрэн/ надеяться; Северная Корея; сэрии/ война, олоххо киллэри/ имя действия от претворять в жизнь*. Несмотря на сложившуюся традицию рассматривать отказ от ассоциирования как свидетельство о неактуальности исследуемого понятия в концептуальной системе респондента, вслед за В. В. Бибихиным, мы интерпретируем отказы (всего 43) как реакции, выражающие значимость, так как «молчание» есть «мысль, которая не пожелала войти в рамки и умолкла» [16, с. 168]. Далее для интерпретации содержания данного компонента мы выделили в его структуре две части: эмоции и ожидания, связанные с надеждой (*күүһэ/ сила 2; үчүгэй/ хороший, хорошо; чиэһинэй/ честный; эрэн/ надеяться, олоххо киллэри/ имя действия от претворять в жизнь* – всего 6 из 56); эмоции и ожидания, связанные с разочарованием (*сымыйа/ ложь, неправда 2; икки сирэй/ лицемерие; не существует; ыарахан/ трудный, тяжелый, трудно, тяжело; Северная Корея; сэрии/ война* – всего 7 из 56). Отметим, что реакции *Северная Корея* и *сэрии/ война* мы интерпретируем как выражение сарказма и иронии, которые, безусловно, связаны с чувством разочарования; а реакцию *олоххо киллэри/ имя действия от претворять в жизнь* побуждение к действию. Таким образом, в мотивационном аспекте мы наблюдаем преобладание отрицательного эмоционального переживания значимости анализируемой ценности (отказы и переживания с отрицательной модальностью – всего 50 из 55), которое, согласно деятельностной теории мотивации, выражает актуальное состояние неудовлетворения потребности и приводит к наличию активно-действенного момента в деятельности [14].

На третьем этапе для понимания связи потребности с актуальной ситуацией удовлетворения потребности рассмотрим содержание компонента «личностные представления». В нем можно выделить три части: представления, связанные с государством и его атрибутами (*Америка, Арасыйыа/ Россия, государство, Госдума, дойду/ страна, Ил Дархан/ пре-*

зидент, Путин, страна, суудаарыстыба/ государство, США – всего 10); представления, связанные с законностью и правами (сокуон/ закон 2; закон; права; право – всего 5); представления, связанные с властью как таковой (былаас/ власть – 7; власть; тойон/ начальник; үрдүктэр/ наделенные властью – всего 10). Анализ содержания данного компонента показывает, что определение ситуации, связанной с потребностью, исходит исключительно из понимания демократии как политического устройства. При этом мы видим искажение «идеального» понимания демократии в речевых действиях, в которых актуализируется такой элемент социального (политического) знания, как власть, но власть как таковая, а не народовластие.

На последнем этапе рассмотрим содержание исполнительной или операционной стороны теоретической речевой деятельности, связанной с актуальной неудовлетворенной внутренней потребностью активно-действенного характера, направленного на власть как таковую. В результате анализа мы обнаружили следующие речевые действия, связанные с «внешними» условиями деятельности, т. е. актуальными способами удовлетворения потребности, фиксируемыми в процессе социального взаимодействия в речевых операциях (всего 13): митинг 4; үөрэх/ образование, учеба, обучение 2; илии көтөбүүтэ/ имя действия от поднимать руку; киһи бэйэтин санаатын көнгүллүк этии/ имя действия от открыто высказываться; революция; провокация; тэннээһин/ имя действия от уравнивать; үлэ/ труд; сомоболоһуу/ единение. Анализ содержания данного компонента выявил смысловую связь речевых операций с обоими понятийными компонентами демократии. Но нельзя не отметить, что функциональная значимость ценности «демократия», ее содержательный потенциал не отличаются разнообразием и ограничиваются, в основном, общеизвестными способами «политической борьбы», если не считать важные с точки зрения деятельности по саморегуляции актуальные речевые операции үөрэх/ образование, учеба, обучение 2 и үлэ/ труд.

Заключение

Таким образом, мы проиллюстрировали процедуру психолингвистического анализа структуры и содержания личностного смысла ценности «демократия» как актуальной установки на действие. Мы выявили ее высокую мотивационную значимость, которая проявляется в характере смысловой связи между речевыми действиями, выражающими внутренние потребности, ситуацию удовлетворения этих потребностей и эмоционально-оценочное отношение к данной ситуации. Мы выяснили также функциональную значимость анализируемой ценности, обусловленную характером речевой деятельности, а именно «направляющими» речевыми операциями. Это позволяет нам говорить о том, что психолингвистический подход предоставляет прогностический инструментарий для выявления и побудительных, и смыслообразующих мотивов (потребностей), лежащих в основе теоретической, по сути своей речевой, деятельности, связанной с фундаментальными ценностями (смыслами), определяющими характер всей деятельности личности как активного участника общественных отношений и шире, деятельности всего общества и культуры.

Литература

1. Степин, В. С. Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5–10.
2. Степин, В. С. Человеческое познание и культура. / В. С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2013. – 140 с.
3. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов. – Москва : Наука, 2013. – 376 с.

4. Леонтьев, А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
5. Андреева, Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г. М. Андреева // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.
6. Пищальникова, В. А. Этнопсихоллингвистика как методологическая база межкультурных исследований / В. А. Пищальникова // Вестник МГЛУ : Гуманитарные науки. – 2018. – № 4(793). – С. 11–19.
7. Леонтьев, А. А. Основы психоллингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл ; Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 287 с.
8. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 11–18.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Основы теории речевой деятельности : Коллективная монография / Ответственный редактор А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1974. – 333 с.
11. Пищальникова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста : учебное пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1991. 87 с.
12. Имедадзе, И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка / И. В. Имедадзе – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm> [дата обращения 20.12.22].
13. Шаховский, В. И. Эмоции : Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 128 с.
14. Асеев, В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. – Москва : Мысль, 1976. – 158 с.
15. Вакулова, Т. В. К вопросу о демократии: определения и основные принципы / Т. В. Вакулова // Гуманитарная парадигма. – 2017. – № 3. – С. 50–62
16. Биbihин, В. Мир. Язык философии / В. Биbihин. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.

References

1. Stepin, V. S. Konstruktivnye i prognosticheskie funktsii filosofii / V. S. Stepin // Voprosy filosofii. – 2009. – № 1. – С. 5–10.
2. Stepin, V. S. CHelovecheskoe poznanie i kul'tura. / V. S. Stepin. – Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2013. – 140 s.
3. YAdov, V. A. Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya : Dispozitsionnaya koncepciya / V. A. YAdov. – Moskva : Nauka, 2013. – 376 s.
4. Leont'ev, A. A. YAzyk. Rech'. Rechevaya deyatel'nost' / A. A. Leont'ev. – Moskva : Prosveshchenie, 1969. – 214 s.
5. Andreeva, G. M. Social'noe poznanie i social'nye problemy / G. M. Andreeva // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.
6. Pishchal'nikova, V. A. Etnopsiholingvistika kak metodologicheskaya baza mezhkul'turnyh issledovanij / V. A. Pishchal'nikova // Vestnik MGLU : Gumanitarnye nauki. – 2018. – № 4(793). – С. 11–19.
7. Leont'ev, A. A. Osnovy psiholingvistiki / A. A. Leont'ev. – Moskva : Smysl ; Sankt-Peterburg : Lan', 2003. – 287 s.
8. Leont'ev, A. N. Obraz mira / A. N. Leont'ev // Mir psihologii. – 2003. – № 4. – С. 11–18.
9. Leont'ev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. / A. N. Leont'ev. – Moskva : Politizdat, 1975. – 304 s.
10. Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti : Kollektivnaya monografiya / Otvetstvennyj redaktor A. A. Leont'ev. – Moskva : Nauka, 1974. – 333 s.
11. Pishchal'nikova, V. A. Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta : uchebnoe posobie / V. A. Pishchal'nikova. – Barnaul, 1991. 87 s.
12. Imedadze, I. V. Situativnoe razvitie motivacii i ustanovka / I. V. Imedadze – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm> [data obrashcheniya 20.12.22].
13. SHahovskij, V. I. Emocii : Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya / V. I. SHahovskij. – Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2016. – 128 s.

14. Aseev, V. G. Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti / V. G. Aseev. – Moskva : Mysl', 1976. – 158 s.
15. Vakulova, T. V. K voprosu o demokratii: opredeleniya i osnovnye principy / T. V. Vakulova // Gumanitarnaya paradigma. – 2017. – № 3. – S. 50–62
16. Bibihin, V. Mir. YAzyk filosofii / V. Bibihin. – Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 448 s.

